

Буяров Дмитрий Владимирович

ХРИСТИАНСКИЙ УРОВЕНЬ В МИРОВОЗЗРЕНИИ СИДОНИЯ АПОЛЛИНАРИЯ

Статья посвящена анализу некоторых особенностей мировоззрения позднеантичного автора, политического и религиозного деятеля - Сидония Аполлинария. В работе на основе эпистолярного творчества Сидония рассматривается религиозный уровень его мировоззрения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2009/1/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (2). С. 23-26. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2009/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ХРИСТИАНСКИЙ УРОВЕНЬ В МИРОВОЗЗРЕНИИ СИДОНИЯ АПОЛЛИНАРИЯ**Буяров Д. В.**

*Кафедра всемирной истории
Благовещенский государственный педагогический университет
buyarov_d@mail.ru*

Статья рекомендована к публикации к. ф. н. Недельской М. В. и к. ф. н. Никитиным Г. В.

Аннотация: Статья посвящена анализу некоторых особенностей мировоззрения позднеантичного автора, политического и религиозного деятеля – Сидония Аполлинария. В работе на основе эпистолярного творчества Сидония рассматривается религиозный уровень его мировоззрения.

Ключевые слова и фразы: светская жизнь; христианская жизнь; христианин; духовенство; проповедь.

Во второй половине V в. в Галлии граница между светским и религиозным (христианским) мирами была, как бы размыта. С одной стороны многие аспекты светской и христианской жизни были взаимосвязаны и пересекались между собой, с другой стороны для многих представителей галло-римской знати христианство еще не стало играть ключевую роль в их сознании. Процесс христианизации протекал медленно и неравномерно. По мнению П. Лупоньяка в начале IV в. христианизации подверглось около 5% населения и только к концу V в. христианским стало почти все население римских провинций [Luponiac, p. 178]. При этом в Галлии утверждение христианства проходило более мирно, чем в восточной части империи. Античные и местные галльские традиции долгое время уживались с новой христианской культурой и идеологией. В частности в Оверни язычники перестали быть заметны только в V в. [Romeuf, p. 154].

Первым христианином в роду Аполлинариев был дед Сидония, принявший крещение в последние годы IV в. Соответственно вполне естественным было то, что в светский период жизни Сидония Аполлинария (ок. 430 – ок. 480 гг.) – популярного в свое время поэта, государственного и церковного деятеля, религиозные ценности не имели приоритетного значения. Соблюдая поведенческие нормы предписанные церковью, Сидоний делал это более вследствие воспитания, нежели в силу искренних убеждений, что находит свое подтверждение в его поэтическом творчестве, в котором не отражены особенности ментальности христианина. Это не означает, однако, что Сидоний не был носителем христианских ценностей, просто дошедшие до нас источники не позволяют их четко выделить. Все меняется с принятием Сидонием сана епископа. С изменением статуса и социальной роли, меняются и целевые установки Сидония Аполлинария, что находит свое выражение в определенной трансформации системы ценностей и смене приоритетов.

В качестве епископа Сидоний Аполлинарий вступает с другими галльскими епископами в переписку, которая является важнейшим источником для реконструкции особенностей христианского уровня в мировоззрении этого автора. В своих многочисленных письмах, адресованных епископам, Сидоний стремится к самоутверждению в своем новом статусе, в тоже время для него эта переписка является также плодотворным общением с образованнейшими людьми того времени.

В своих посланиях Сидоний перечисляет те качества, которыми должны обладать клирики и в результате описывает некий образ идеального представителя духовенства. Им должен быть человек «благородный без гордости, набожный без суеверия, ученый без хвастовства, серьезный без педантичности, твердый без грубости» [Sidone Apollinaire, t. 3, l. VIII, p. 13]. Продолжением этого можно считать похвалу в адрес священника Химерия: «Он увеличивает знаки своей любезности, но избегает того же от других, даже когда этого требуют приличия. Он соблюдает в церкви простодушие голубя, а в реальной жизни – мудрость змеи... его признают мудрым и осмотрительным, но никто не считает его хитрым» [Ibid.].

Идеальный образ клирика создавался Сидонием на основе характеристик, известных ему людей, многие из которых были его друзьями. Поэтому с одной стороны можно говорить о складывании некоего идеального типа в представлении Сидония Аполлинария, а с другой стороны он вполне мог наделять идеальными качествами своих друзей, даже в том случае если они не обладали таковыми в полной мере.

Продолжая традицию дружеских писем, Сидоний включает в послания достаточно много комплиментов в адрес своих коллег. Епископа Грека Сидоний называет гордостью священников и жемчужиной епископов [Ibid., p. 4], епископу Лупу Сидоний пишет, что тот несомненно первый из всех епископов до границ мира и толпа его коллег признает его превосходство [Ibid., l. VI, p. 1]. В большинстве своем это не пустая, необоснованная похвала. Многие галльские епископы не только достаточно эффективно управляли своими епархиями, но были также и весьма образованными, и соответственно являлись в глазах Сидония носителями наиболее ценных им качеств – деятельностной активности и образованности. К тому же галльские епископы были представителями знати, что также играло свою роль. По данным П. Гасмана, в V в. из 54 епископов Галлии, чье социальное происхождение удалось установить, только трое были не знатными по происхождению. К тому же конец их деятельности приходится на начало V в. [Gassman, s. 50-67]. При этом Сидоний Аполлинарий был одним из самых знатных епископов Галлии в 70-е гг. V в.

В письме к епископу Пациенту Сидоний, воздает ему хвалу именно за активную деятельность,

направленную на развитие епархии в практической и духовной сферах: «Не говорю, что во многих местах ты воздвиг фундаменты базилик и умножил их украшения. Под твоим руководством значительно увеличилось достояние веры, уменьшилось же только число еретиков; как бы на апостолической охоте ты ловишь сетями духовных проповедей дикие умы фотиниан; варвары всякий раз, когда их одолевает твое слово, покорно идут за тобой следом, пока ты, счастливейшийловец душ, не выведешь их из глубокой пропасти заблуждения» [Sidone Apollinaire, t. 3, l. VI, p. 12].

Варварские завоевания становятся временем, когда начинают наиболее ярко проявляться религиозные чувства Сидония Аполлинария. В письме Василию Экскому Сидоний рисует картину плачевного состояния галльской церкви. За описанием разорения приходов следует постановка ряда вопросов, свидетельствующих о беспокойстве за дальнейшую судьбу всей церкви. «Что же остается утешительного верующим, - пишет Сидоний, - когда гибнет не только церковное благочиние, но и сама память о нем?... Признаюсь, не смотря на ужас, внушаемый могуществом короля готов, я не столько боюсь за римские стены, сколько за христианские учреждения» [Ibid., l. VII, p. 6].

В условиях кризиса галльские епископы начинают искать новые способы для духовной поддержки своей паствы. Примером этого может служить деятельность вьеннского епископа Мамерта. Когда Вьенна оказалась захвачена бургундами, город стали постигать новые бедствия: землетрясения, пожары, разруха. В этих условиях Мамерт смог сохранить спокойствие в городе и уберечь жителей от отчаяния, с помощью рогаций – общественных молений, сопровождавшихся постом и церковными процессиями [Ibid., p. 1]. Подобные рогации были введены и Сидонием Аполлинарием в Оверни. «Я приглашаю тебя, – писал Сидоний, обращаясь к магнату Апру, жившему в горных укреплениях, – на торжество, где смиренно склоняется чело, в это собрание, где распростерты на молитве граждане» [Ibid., t. 2, l. V, p. 14]. До начала организации коллективных молений Мамертом и Сидонием, они не были регулярны и часто посещаемы. В новых обрядах присутствовали молитвы и прославления, плачи и псалмопение. Торжественной службе предшествовал пост, а основная церемония заканчивалась праздничным гулянием. В свою очередь Сидоний приглашал посетить новый вид христианского богослужения не только своих знатных земляков, но и многих галльских епископов [Ibid.].

Сидоний Аполлинарий не только позаимствовал обряд рогаций у Мамерта, но и сам сочинял для прихожан плачи [Sid. Ep. V, 1], беседы [Sid. Ep. VII, 3] и проповеди, которые подправлял Фауст Риезский [Ibid., t. 3, l. IX, p. 3]. По описанию Григория Турского «Сидоний был так красноречив, что часто мог, не приготовившись, говорить на любую избранную тему с большим блеском и без всякого затруднения. Однажды, когда его пригласили на праздник в церковь блаженного Квирика, и он отправился туда, у него бессовестно украли книгу, по которой он обычно служил мессе. Сидоний в одно мгновение собрался с мыслями и так отслужил праздничную службу, что все присутствующие дивились, а стоявшим близко казалось, будто с ними говорит не человек, а ангел» [Турский, с. 45].

Несмотря на то, что сборник месс и проповедей, сочиненных Сидонием не сохранился, представляется возможным проведение их условного анализа, на основе тех отрывков, которые он включал в письма. Как правило, наставления Сидония были связаны с реальными случаями, приведенными в его посланиях и завершаемых неким нравственным выводом. Подобные эпизоды не являлись притчами в своей классической форме, поскольку их сочинение не являлось для автора самоцелью. Сидоний описывает истории, произошедшие с его знакомыми, но за простой, на первый взгляд, информативностью скрывается нравоучительный характер письма, что было очень близко духу автора. Например, в письме к епископу Амвросию, Сидоний просит благословения для одного молодого человека, промотавшего состояние с куртизанкой, но позже одумавшегося и женившегося на порядочной девушке. Это послание завершается поучительным выводом: «Благородная любовь женщины к мужу не может сравниться с иллюзорными прелестями сожительства», и Сидоний представляет некую формулу: «Человек, который испробовал до брака неправомысленных удовольствий, воздержится для будущего удовольствий законных» [Sidone Apollinaire, t. 3, l. IX, p. 6].

Для некоторых из своих проповедей Сидоний Аполлинарий берет за основу библейские притчи, но выделяет их квинтэссенцию и привязывает к реальным ситуациям. В письме к своему другу Проклу, он просит простить сына, совершившего какой-то проступок, убежавшего из родительского дома и нашедшего приют у Сидония. Это письмо-просьба завершается в форме проповеди: «Каким счастливым будет этот день для тебя, какой счастливой новостью будет для меня, какой радостью для него, когда он повергнутый на землю у ног своего отца, от которого ожидал только упреки, вдруг получит поцелуй!» [Ibid., t. 2, l. IV, p. 23].

Наконец в ряде писем Сидоний ходатайствует за несостоятельных должников перед кредиторами [Ibid., Sid. p. 24], либо заступает за своих прихожан перед светским судом. Весьма примечательно одно из замечаний овернского епископа о том, что прихожане требовали от епископа не столько заступничества за души перед судьей небесным, сколько защиты тел от судей земных [Ibid., t. 3, l. VII, p. 9]. Обращаясь к префекту Полемию, Сидоний пишет: «Суд земной не то, что суд небесный. У вас человека, открыто признающего свои преступления, осуждают, а у нас человек исповедуется в них перед Господом богом и получает отпущение грехов. Отсюда ясно как день, что человеку твоего круга неуместно выносить строгий приговор тому, чье дело должен решать скорее другой трибунал» [Ibid., t. 2, l. IV, p. 14]. Подобное вмешательство в общественную, частную и семейную жизнь своей паствы характеризует Сидония как по-настоящему заботливого и доброго пастыря.

Сидоний Аполлинарий прекрасно осознавал недостаточность своего теологического образования и не

принимал участия в богословских спорах своего времени; несмотря на свой литературный талант Сидоний не мог претендовать на место среди идеологов галло-римской церкви, но он и не скрывал этого. Но, несмотря на это, выдающиеся по степени образованности и святости жизни, епископы Галлии очень высоко ценили пастырскую деятельность Сидония. Следовательно, можно говорить об определенной степени нравственного влияния Сидония Аполлинария на своих современников. Ярким примером того уважения, которым пользовался Сидоний у представителей галло-римской церкви, являются его отношения с епископом Лупом. Строгие наставления соединяются в письме Лупа к Сидонию, с выражениями трогательной привязанности: «Мужайся, мой старый друг, мой юный брат; последнее название уничтожает собой все предшествовавшие, и я готов забыть все, относящееся к нашей прежней дружбе, потому что новые узы, налагаемые на тебя твоим званием, соединяют нас и теснее и крепче» [Ешевский, с. 332]. В свою очередь Сидоний воспринимает Лупа в качестве своего духовного наставника и именно с ним он наиболее откровенен. Сидоний с полным сознанием пишет Лупу о своей духовной немощи и очень часто не использует свои традиционные риторические приемы. Последний факт говорит о многом: возможно на закате своей жизни Сидоний готов был во многом отказаться от приемов прежнего творчества. Возможно, Сидоний начинал тяготиться активной административной и литературной деятельностью и в минуты искренности стремился к духовному самосовершенствованию.

Сидоний писал: «Нынешние похвалы за мои литературные усилия больше не интересуют меня, как и посмертная слава» [Sidone Apollinaire, t. 2, l. IV, p. 22]. «О вечной жизни следует думать больше, чем о посмертном признании, и никогда не забывать, что после смерти будут взвешиваться наши дела, а не наши сочинения» [Ibid., t. 3, l. VIII, p. 4].

Описывая последние месяцы жизни Сидония, Григорий Турский делает упор на кротость и благочестие овернского епископа. Указывая на то что «Сидоний всецело был предан служению Господу и вел в миру святую жизнь», Григорий Турский следовал нормам жизнеописания представителей духовенства. Возможно, это было сделано для обоснования будущей канонизации Сидония, но вероятно также и то, что подобная характеристика деятельности Аполлинария, соответствовала реальности. Об этом же свидетельствуют и горестные чувства прихожан Сидония, в связи с его предстоящей кончиной: «Он (Сидоний) попросил своих отнести его в церковь. И когда они его туда принесли, около него собралась толпа мужчин и женщин с детьми, они плакали и причитали: «Почему ты нас покидаешь, пастырь добрый, и на кого ты нас, сирот, оставляешь? Неужели после твоей смерти мы будем жить? Да разве найдется после тебя человек, который осолит нас солью премудрости или столь веским доводом утвердит нас в страхе господнем?». Такое и тому подобное говорил народ с великим плачем» [Турский, с. 45].

Предчувствуя будущую смерть, Сидоний настойчиво просит у епископа Принсипия утешения и отпущения грехов и завершает послание просьбой молиться, чтобы желанная кончина освободила его от тревог и груза настоящей жизни [Sidone Apollinaire, t. 3, l. IX, p. 8]. К концу своей жизни Сидоний, по крайней мере, по внешним критериям, соответствовал образу церковного пастыря. После смерти образ Сидония оказывается окруженным ореолом христианской добродетели. Позже Сидоний Аполлинарий был канонизирован римско-католической церковью.

Взгляды Сидония Аполлинария определялись особенностями нестабильной, переходной эпохи. Христианская религиозность Сидония не носила глубинного характера и, приняв сан епископа, он остался во многом латинским автором, что, тем не менее, не выделяло Сидония из большинства галльских епископов. Многие из современников Сидония сочетали церковную карьеру с не слишком глубоким христианским сознанием. Фигура Сидония Аполлинария является не исключением на фоне своего времени, а скорее неким религиозно-культурным типом позднеантичной личности.

Список литературы

- Ешевский С. В.* К. С. Аполлинарий Сидоний: эпизод из литературной и политической истории Галлии V в. // Ешевский С. В. Собрание сочинений в 3-х т. М.: Тип-я Грачева и Ко, 1870. Т. 3. С. 3-342.
- Турский Г.* История франков / пер. с лат., сост., статья, прим. В. Д. Савуковой. М.: Наука, 1987. 462 с.
- Gassman P.* Der Episcopat in Gallien im 5. Jahrhundert: Diss. – Bonn: S. I., 1977. 299 s.
- Luponiac P.* La disparition de l'empire romain en Occident. P.: De Luponiac, 1971. 327 p.
- Romeuf A.* L'Auvergne a l'epoque gallo-romaine. Biban des recherches archeologiques recentes // Cahiers d'histoire. 1978. T. XXIII. F. 2. P. 137-155.
- Sidone Apollinaire.* Poemes. Lettres / texte etabli et traduit par A. Loyen. Dans 3 Tomes. P.: Les Belles Lettres, 1960-1970.

Christian Standard of Sidoniy Appolinariy World-View**Buyarov D. V.***Department of World History, Blagoveschensk State Teachers' Training University
buyarov_d@mail.ru*

Abstract: The paper is devoted to the analysis of some world-view peculiarities of Sidoniy Appolinariy who was the late ancient author and political and religious personality. Sidoniy's world-view standard is considered on the basis of his epistolary creative work.

Key words and phrases: high life; christian life; Christian; priesthood; sermon.

**ЭЛЕМЕНТЫ САКРАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ К ВОДОПЛАВАЮЩИМ ПТИЦАМ
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КОМИ (ЗЫРЯН)****Волокитина Н. А.***Кафедра отечественной истории
Сыктывкарский государственный университет
anjis@rambler.ru*

Статья рекомендована к публикации д. и. н., проф. Семеновым В. А. и д. и. н. Шабаетовым Ю. П.

Аннотация: В статье исследуются элементы сакрального отношения к водоплавающим птицам в традиционной культуре коми (зырян), в частности к утке, лебедю и гагаре. Рассматриваются народные поверья, приметы, связанные с этими птицами, кроме того, уделено внимание изображениям водоплавающих птиц в традиционном прикладном искусстве коми (зырян).

Ключевые слова и фразы: культ водоплавающей птицы; амулет; почитание животных; обряды; мифология; поверья; искусство.

Коми (зыряне) относятся к финской группе финно-угорских народов и являются коренным населением Республики Коми. Принято считать, что в традиционном мировоззрении финно-угорских народов одно из центральных мест занимает культ водоплавающей птицы. Несмотря на то, что образы утки, лебедя, гагары широко представлены в космогонических мифах коми (зырян), особого культа этих птиц, как отмечают исследователи, у коми не зафиксировано, хотя отмечены отдельные элементы сакрального отношения к ним.

По данным исследователя Л. С. Грибовой коми (зыряне) считали, что водяной может принимать вид утки [НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 11]. Ее грудная кость сохранялась в качестве оберега и хранилась дома рядом с божницей [Сидоров, с. 43]. По данным П.Г. Дорониной скелет утки, как амулет, всегда хранился у старожилков на божнице около икон [НАРК]. В Сысольском и Княжпогостском районе чучело утки вешалось часто в переднем углу избы. Под бревно, приходящееся к красному углу дома, клали крыло рябчика, утки или серебряную монету [НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11]. В Удорском районе иногда на конек крыши прикрепляли чучело утки или лебедя [Белицер, с. 23]. Утка изображалась на шестах-флюгерах коми, причем птицы-флюгеры всегда назывались «утка» каких бы птиц они не изображали [НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 11]. Кроме того, образ уточки часто присутствует в свадебных причитаниях коми. Например, в причитаниях о девичьей воле, характерных для Нижней Сысолы, Средней и Верхней Вычегды [Плесовский, 1968, с. 210-211].

Лебедь у коми, как у многих других народов, считался птицей особенно чистой, с ярко выраженной женской и брачной символикой. На лебедя коми не охотились. Считалось, что даже за случайно убитого лебедя виновника ждет неминуемая кара [Конаков, с. 21]. Однако на свадебный стол коми-ижемцы подают цельного лебедя, которого нельзя употреблять в пищу в обычные дни. Иногда лебедь заменялся другой дичью, но обязательно приготовленной целиком [Чудова, с. 238].

Элементы сакрального отношения прослеживаются и по отношению к гагаре. На Вычегде считалось, что болезнь боится шкурки гагары, поэтому ее прикладывали к больному месту не только людям, но и лошадям. По сведениям А. С. Сидорова, в 20-е годы на Печоре редкий дом не имел шкурки гагары, укрепленной на крыльце рядом с входом. Вывешивали шкурку гагары на наружной стене дома или на стене кладовой и ижемские коми-переселенцы на нижнюю Обь [Конаков, с. 21].

По материалам А. С. Сидорова голос гагары у коми считается вещим, по нему стараются узнать изменения погоды. Стонущий голос гагары, похожий на плач ребенка, по народным поверьям, предвещает на сенокосе ухудшение погоды и наступления ненастья, а отрывистое карканье — ветреную погоду [НА Коми